

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Античная археология Колхиды настолько бедна, что не в состоянии представить еще почти никакой вещественной документации для очень большого периода времени колонизации кавказских берегов греками и их оккупации римлянами.

В значительной мере это объясняется тем, что естественные условия в прибрежных местах Колхиды и Абхазии, во всяком случае в тех местах, где нужно предполагать остатки греческих поселений, как бы специально созданы для того, чтоб прятать и оберегать от самого настойчивого любопытства все, что ни попадет в землю. Раскопки Сизова в Сухуми в 1886 г. показали, что культурный слой, содержащий остатки эллинистического времени, лежит ниже современного уровня грунтовых вод. Многие участки побережья сильно заболочены, как заболочена долина нижнего течения Риона — место древнего Фасиса; как заболочена и заросла лесом полоса берега южнее устья Кодора и у мыса Искурии, — предположительное место древней Диоскуриады.

Болотистая непроходимая лесная чаща может долго и упорно беречь все, что бы в ней ни таилось, поэтому у нас так мало вещественных остатков греческой или эллинизированной варварской жизни древней Колхиды¹.

Колхида не дала до сих пор ни одной древнегреческой надписи и всего лишь один латинский фрагмент (в Сухуми, см. ниже). Тем ценнее для всех интересующихся ее древними судьбами каждое литературное свидетельство, — мы находим их немало у самых разнообразных писателей древности (географов, мифографов, историков), особенно же у Страбона, Плиния, Птолемея и в двух периплах (Арриана и анонимного автора). Нельзя пройти мимо важных свидетельств, заключающихся в «*Tabula Peutingeriana*» и в «Космографии» Равеннского анонима.

К данным Страбона, Плиния, Арриана о местонахождении древних греческих поселений Кавказа обращалось уже немало ученых, из которых прежде всего нужно назвать французского путешественника первой половины XIX в. Дюбуа де Монпере, издателя и комментатора обоих периплов (Арриана и Анонима), К. Мюллера и, наконец, знатока южнорусской исторической географии Ф. Бруна. Капитальным работам этих уче-

¹ Некоторое исключение, повидимому, нужно сделать лишь для нумизматики древней Колхиды.

ных по древней топографии черноморских берегов Западного Кавказа всецело обязан этот маленький этюд, в котором подвергнуты пересмотру свидетельства древних авторов о поселениях побережья древней Колхиды и некоторые точки зрения упомянутых исследователей.

На пути от Трапезунта, вдоль восточного берега Черного моря, Арриан, шедший вдоль самого берега на весельно-парусных судах, отмечает устья всех рек, могущих в случае нужды служить стоянками для судов, и указывает разделяющие их расстояния. Он описывает более подробно те населенные пункты, где имелись сторожевые укрепления и были расквартированы римские гарнизоны.

Несколько крупных станций, упоминаемых Аррианом в начале пути от Трапезунта к северо-востоку, могут быть нанесены на современную карту без всяких сомнений: географическое положение Ризия, Афин, Архабия вряд ли кем-нибудь может оспариваться ввиду почти полного совпадения древних и новых названий соответствующих пунктов и расстояний между ними по данным Арриана и по данным современной карты.

Промежуточные станции — устья мелких, большей частью несудоходных рек — точно так же могут быть без труда отождествлены с тем или другим из многочисленных ручьев, бегущих с гор к морю. Их теперешние названия не связаны фонетически с указанными в перипле, но промежуточные расстояния между ручьями вполне соответствуют его расчетам.

Так дело обстоит на участке пути от Трапезунта до последнего из названных пунктов, Архабия Арриана — Архаве современных карт, т. е., как раз до того места, откуда берет начало изучаемый нами отрезок побережья древней Колхиды и где теперь проходит советская граница.

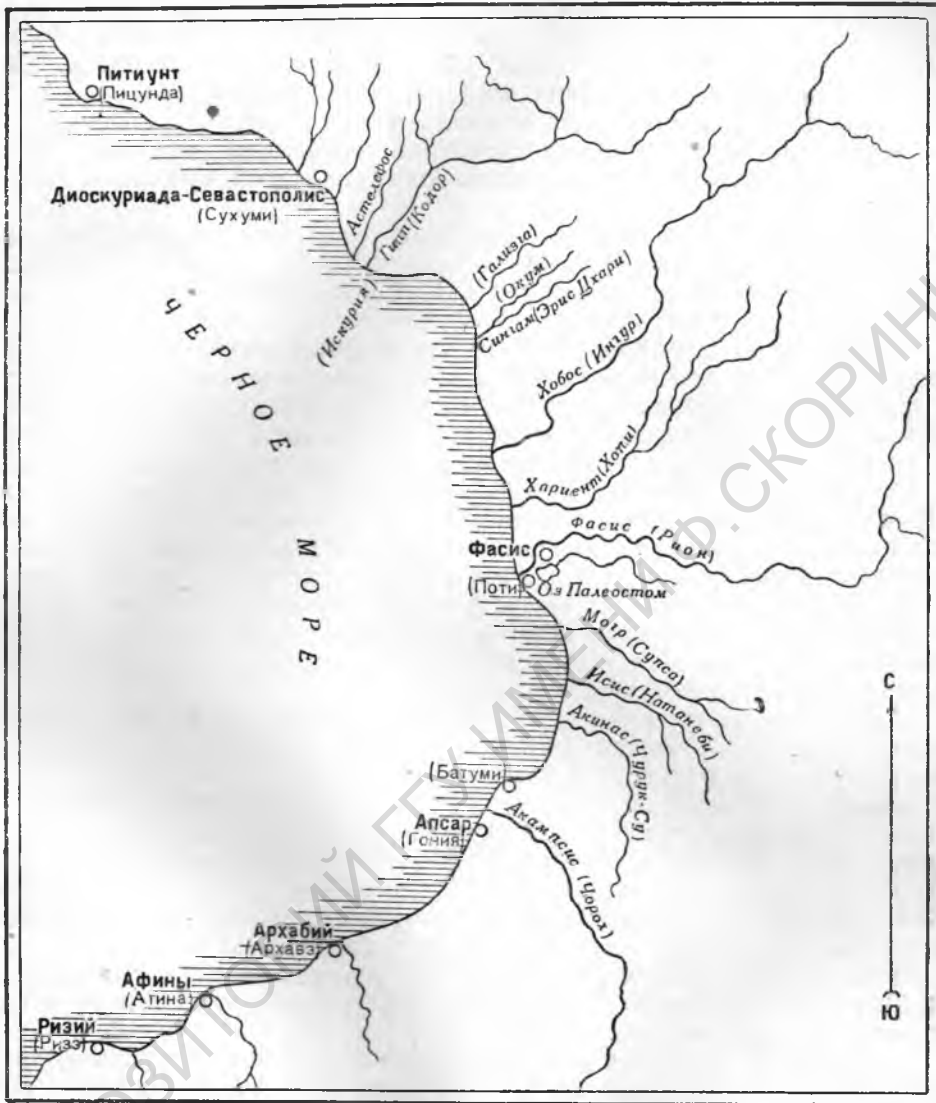
Вслед за этим пунктом, в 60 стадиях¹ к северу от Архабия, Арриан помещает поселение Апсар (Ἀψάρος) (А р р и а н, перипл, гл. 8, у Л а т ы ш е в а в «Scythica et Caucasia» стр. 219).

При ближайшем рассмотрении положение этого пункта должно было показаться спорным, так как несколько выше Арриан (гл. 6 и 7, у Л а т ы ш е в а стр. 218) упоминает о том, что, отплыв вечером или ночью из Афин, он добрался до Апсара лишь к полудню следующего дня, пробыв, таким образом, 10—12 часов в пути и покрыв расстояние больше чем в 500 стадиев. Так как это замечание противоречит приводимым им же несколько ниже расчетам (по которым сумма расстояний между Афинами и Апсаром равна 220 стадиям), К. Мюллер в своем издании аррианова перипла (Geographi graeci minores, v. I) предположил, что слово пятьсот (πενταχόσιοι) появилось вследствие искажения текста, и поместил Апсар у устья нынешней речки Хоп-Чай, километрах в 17—18 от Архаве, что, однако, должно было нарушить всякое соответствие между дальнейшими расчетами Арриана и данными современной карты.

Начать хотя бы с того, что Арриан помещает в 15 стадиях к северу от Апсара судоходную реку Акампис (Ἀκαμπίς ποταμὸς ναυίπορος), которая ни в коем случае не может быть отождествлена ни с речкой Хоп-Чай, ни с какой-либо другой, близ текущей, речкой.

Ближайшая к северу от Архаве большая и на некотором протяжении действительно судоходная река Чорох протекает значительно севернее, впадая в море километрах в 7—8 к югу от нынешнего Батуми.

¹ Стадий Арриана (и Анонима) составлял около 200 м. Это следует из сличения длины различных стадиев, употреблявшихся в римское время и дающих цифры от 192 до 210 м, а также из отношения цифровых данных Арриана к данным Плиния, выраженным в римских милях.

Побережье древней Колхиды

Между тем, если указание на 500 стадиев, разделяющих Афины и Апсар, счесть заслуживающим доверия и, наоборот, исчисление пути от Архабия до Апсара, равного 65 стадиям, признать за результат позднейшего искажения текста (что повлияло также и на исчисление общей суммы расстояний между Трапезунтом и Севастополисом, равное 2260 стадиям по расчету, приведенному в гл. 25 перипла, Латышев—*Scythica et Caucasia*, стр. 223), то расстояние между Архаве и Чорохом приблизительно будет соответствовать приходящимся на этот промежуток пути 295 стадиям.

Принимая, очевидно, все это во внимание, К. Мюллер несколькими годами позже изменил свою точку зрения и в комментарии к средней части «Перипла безыменного автора» (опубликованной по обнаруженному им

кодексу Британского музея в пятом томе «*Fragmenta historicorum graecorum*», стр. 174) идентифицирует Акампис, равно как и Апсар, с Чорохом: «*verissimum esse censeo quod Ritterus («Erdkunde», B. 18, S. 938) coniecit fortasse apud Arrianum Apsari nomine significari Tchorok fluvii ostium occiduum, alteri autem Acampsis nomen dari*».

Как видно из приведенных слов, Мюллер один из рукавов дельты р. Чороха (западный) считает древним Апсаром, другой же (восточный) — Акамписом.

Так же точно толковал текст Арриана, повидимому, еще и Дюбуа де Монпере: в составленной им, по данным перипла, карте он помещает Апсар близ р. Чороха, километрах в 5—7 к югу, у нынешнего местечка Гония или Гуния (см. «*Voyage autour du Caucase*», Atlas, v. I, pl. XIII).

Эта поправка безусловно приближает Дюбуа к истине и вот почему: Арриан замечает, что Апсар очень древнее, следовательно, должно быть, и сравнительно крупное поселение, связанное с традицией Аргонавтики, как место гибели брата Медеи — Апсирта, по имени которого оно и получило свое название, впоследствии немного искаженное. Во времена Арриана в Апсаре стояло 5 римских когорт. Это значит, что там было возведено укрепление, которое должно было занимать стратегически наиболее выгодное и господствующее над всей окрестной территорией положение.

Между нынешним местечком Гония и Чорохом (в 1—2 км от Гонии) современная карта отмечает развалины древней крепости. Турецкой крепости Гонии, о развалинах которой идет речь, естественнее всего было стоять на месте римского укрепления, чьи остатки надо искать под грубой и неряшливой кладкой турецких стен.

Сопоставляя свидетельства Арриана об Апсаре с его же замечаниями о крепостях, возведенных и занятых римскими гарнизонами на Кавказском побережье в Фасисе, Себастополесе и Пителинте, а также принимая во внимание все нам известное о римских крепостях северных берегов Черного моря — в Ольвии, Херсонесе и Хараксе на Ай-Тодоре, есть все основания предполагать, что Апсар был в I—II вв. н. э. важным звеном в длинной цепи сторожевых крепостей, составлявших оборонительную линию римской пограничной охраны, защищавшую море, гавани и важнейшие пути внутрь союзных стран северо-восточных пределов империи.

Помимо перипла Арриана, о значении Апсара, как римского военно-административного центра, говорит еще один весьма любопытный и близкий периплу по времени документ.

В *CIL* (т. X) Моммзенем переиздана надпись, вырезанная на пьедестале, найденном в Абеллах, близ Нолы (в Италии). Из ее текста явствует, что упомянутый в ней Н. Марций Плеторий Целер, патрон колонии Абеллы, будучи центурионом многих легионов, награжденный императором Траяном, как участник Парфянской войны, одно время исполнял также обязанности командующего (praepositus) сторожевыми отрядами вспомогательных римских войск, расположенных на восточном берегу Черного моря и расквартированных в Апсаре (*numeri tendentes in Ponto Absaro*).

Вот полный текст этой надписи, который, насколько мне известно, еще ни разу не цитировался в русской литературе, но представляет бесспорный интерес для всех занимающихся древней историей Кавказа: *N. Marcio /N f(ilio) gal(eria)/ Pl(a)etorio Celeri quaest(ori) II vir(o), centurioni leg(ionis) /VII gemin(ae), centurioni leg(ionis) XVI fl(aviae) firm(ae)/ donis donato a divo Traian(o) bello parthic(o) /corona murali torquib(us)/ armillis, phalaris, centurioni leg(ionis) II[I]/ gall(icae), centurioni leg(ionis)*

XIII gem (inae) mart(iae) victr(icis)/ centurioni leg(ionis) VII cl(audiae) p(iae) f(idelis) centurioni leg(ionis) I adi(utricis) p(iae) f(idelis) p(rimi). p(ili), leg(ionis), eiusd(em) praeposit(o) numerorum/ tendentium in Ponto Absaro, trib(un)o coh(ortis) III vig(ilum), patron(o) colon(ia) d(onum) d(at) (CIL, v. X, pars pr., № 1202).

Таким образом, эта надпись прямо подтверждает свидетельство аррианова перипла. Упомянутые ею *numeri* (название для военного отряда, постепенно утвердившееся в поздние времена империи вместо употреблявшегося ранее *cohors*), по всей вероятности, соответствуют тем *στειραι*, которых, по Арриану, в Апсаре стояло пять.

Это был один из самых многочисленных римских военных отрядов на северном и восточном побережье для этого времени, и крепость Апсар должна была иметь весьма значительные размеры.

Следующий по порядку пункт, отмеченный периплом, это—река Бафис (*Βαφῖς*—глубокая), впадающая в море на расстоянии 75 стадиев от р. Акампис.

Ее приходится идентифицировать с одной из небольших речек, устья которых расположены к северу от батумской бухты, например, с рекой Коронис-цхали, как это делает Дюбуа де Монпере на упомянутой уже карте к аррианову периплу.

В полном противоречии с этим оказались предположения Ф. Бруна («Черноморье», т. II, статья «Восточный берег Черного моря по периплам и компасным картам»). Брун, на основании некоторых соображений, заставлявших его искать римское укрепление Фасис не у устья Риона, но у юго-восточного берега о. Палеостом (подробнее об этом немного ниже), соответственно передвигает к югу все названные Аррианом до Фасиса пункты и отождествляет поэтому Бафис с Чорохом (в приложенной к т. II «Черноморья» синоптике ошибочно Челох).

Но как мы уже убедились при последовательном изучении карты и перипла в движении с юга на север и при внимании ко всем вышеприведенным соображениям, с отождествлением Бафис — Чорох согласиться совершенно нельзя.

Упомянутые далее Аррианом устья речек Акинаса (*Ἀκίναςις*), Исиса (*Ἴσις*) и Могра (*Μόγρος*) (по периплу безыменного автора Кинас, Исис, Могр или Нигр—*Κίναςος, Ἴσις, Μόγρος ἤτοι, Νύγρος*) без труда отождествляются соответственно указанным расстояниям с современными Кинтраш (или Чурук-Су), Натанеби и Супсой, в согласии с Дюбуа де Монпере и Мюллером.

Комбинируя свидетельства Страбона, Арриана и безыменного перипла, римскую крепость Фасис и одноименный эмпорий следует поместить у устья р. Риона, у левого ее берега. Но для того, чтобы согласовать эти свидетельства с действительностью, необходимо предположить, что во всяком случае тот остров, на котором ныне расположена портовая часть города Поты, не существовал во времена, близкие к началу нашей эры, а представляет собою более поздний намыв, разбивший дельту Риона на два больших рукава.

Страбон в следующих, совершенно точных выражениях определяет положение города: «При Фасисе (река) лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собою с одной стороны реку, с другой—озеро, с третьей—море» (*Л а т ы ш е в—Scythica et Caucasica*, стр. 136—137; *S t r a b.*, XI, 2, 17).

Арриан прибавляет к этому чрезвычайно любопытные подробности, касающиеся как крепости, так и города: «Самая крепость, где помещается

400 отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте (τῶν ἐπιπέδων ἀσφαλῶς), на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем для того, чтобы никто из варваров не мог даже и приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой ее гарнизону. А так как и самая гавань должна была служить безопасным убежищем судам, равно как и пространство, которое вне укрепления было заселено отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до реки, который окружит гавань вне стены» (Л а т ы ш е в—Scythica et Caucasia, стр. 221).

Из этих слов явствует, что крепость, расположенная недалеко от гавани, так же как, повидимому, и от устья реки, которое, вероятно всего и служило гаванью, была в то же время на таком расстоянии от берега Риона, что между ней и рекой умещался довольно значительный торговый поселок.

Определением местоположения древнего Фасиса занимались немало, но предположения, высказанные на этот счет различными исследователями, очень часто противоречат друг другу. Впрочем, имеются также и древние свидетельства о Фасисе, согласовать которые с приведенными только что описаниями Страбона и Арриана как будто совершенно невозможно. Я имею в виду, например, указанные Птолемеем координаты устья р. Фасиса и одноименного с ней города, которые хотя и должны лежать на одном меридиане, но широты их разнятся на 15", причем город Фасис помечен к югу от устья реки.

Дюбуа де Монпере, единственный из новых исследователей, который воочию видел описанную Аррианом крепость, в т. III «Voyage autour du Caucase» весьма обстоятельно описывает свой путь от Наколакеви до Чаладиди (в 21—22 км вверх по реке от Поти) и оттуда мимо Патара-Поти (Старый Поти) по реке к морю на лодке. У Патара-Поти им был обследован древний канал, прорытый при Юстиниане (теперешнее название канала Надорта), связывавший Рион с речкой Пичорой и через нее с озером Палестомом. Недалеке от Патара-Поти во время войны Восточной империи с персами в VI в. стоял римский лагерь, от которого при Дюбуа де Монпере уже не было, за исключением нескольких разрозненных обломков кирпичей, никаких следов.

«От канала нам оставалось еще 14 верст до крепости Поти. Прямым путем по земле это было бы только 8 верст, если бы местность была хоть сколько-нибудь проезжей... Я шел один; никто не пожелал сопровождать меня, за исключением одного лишь солдата, которому я пообещал на водку. Какого труда стоило нам добраться до невысокого холмика, все время маячившего перед моими глазами, как блаженный остров! Наконец, наши ноги ступили на нечто твердое, и эта твердь посреди болота в 700 шагах от реки, была не чем иным, как остатками сложенного из кирпича квадратного укрепления, в котором без труда можно было признать то самое, что описал и реставрировал Арриан. С четырех сторон возвышались квадратные башни, по 40 шагов с внешней стороны. Ворота крепости были обращены к морю. Кирпичи, послужившие для ее сооружения, имели 10 дюймов 6 линий в длину, 6 дюймов в ширину, 1 дюйм в толщину;

они были связаны между собой какой-то красноватой цементирующей массой.

Внутренность крепостного двора, имевшая 140 шагов в ширину — пространство как раз необходимое для помещения 400 римских солдат, составлявших ее гарнизон, теперь представляла собой, и зимой и летом, грязную лужу, а входные ворота — заплывший и тинистый канал. Холмы, образовавшиеся от обвала башен, затянуты толстым глинистым слоем рионского ила...

Страбон (кн. XI) говорит совершенно определенно, что город Фасис, большой торговый порт колхов, был у устья реки, ограниченный с одной стороны морем, с другой — озером, а с третьей — рекой. Нельзя более точно определить положение Фасиса, и этот город должен был стоять очень близко от только что описанных мною развалин. Ибо Арриан, писавший столетием позже Страбона, говорит также совершенно определенно, что город был между крепостью и рекой. Но эта крепость теперь в 5 верстах от устья Фасиса и морского берега, где она была воздвигнута для защиты входа в реку и порта. Уровень Черного моря не изменился... но из того обстоятельства, что устье передвинулось на 5 верст, вытекает, что уровень воды в реке в известной части ее течения должен был повыситься для того, чтобы получить высоту падения, необходимую для этих новых 5 верст. Расчет этой высоты не может быть меньше чем 1 фут или 1,5 фута на версту. Вот почему крепостной двор превратился в озеро, ее ворота — в тинистый канал, а окружающая ее равнина — в болото. Все это некогда было футов на 7—8 выше уровня реки, теперь же — на одном уровне.

Мурат, генералиссимус султана Амурата III, выстроил крепость Потти в 1578 г., во времена турецко-персидской войны. За два с половиной века ее существования море отодвинуло свои берега и покинуло ее стены; она теперь в 2 верстах от него, что привело к необходимости поставить маленький форт в самой близи современного устья реки. Если море будет отступать дальше, то с Потти произойдет то же, что произошло с древней крепостью: он покроется болотной водой. Уже теперь почва города возвышается не больше чем на 3 фута над уровнем реки. Наши потомки скажут, что он опустился под воду.

Возвращаясь к римской крепости, я должен прибавить, что как раз напротив нее в реке подымается дикий остров, на котором, как можно предполагать, был храм Кибелы, руины которого видел Шарден¹ и о котором Арриан говорит, что он расположен налево при входе в Фасис. От этого сооружения ныне нет никакого следа. На твердой земле на другом берегу Фасиса, около кирпичного завода, заметны кое-какие следы древнего обиталища, может быть, остатки части древнего города или одного из тех лагерей римлян и лазов, которые воздвигались неоднократно во время войн с Хозроем» (*Dubois de Montreux — Voyage autour du Caucase*, v. III, p. 67—76).

Последовательное и обстоятельное описание Дюбуа де Монпере, вместе с двумя чертежами, приложенными в атласе, не возбуждает никаких

¹ Что касается ссылки Дюбуа де Монпере на французского дипломата и путешественника Шардена («*Voyage du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient*». Nouvelle édition par Langlès, 1811, I), будто тот видел на указанном острове Риона развалины храма «фасианской богини», то, к сожалению, ее приходится отвести, ибо Шарден (т. I, стр. 421—422 ук. издания) говорит как раз обратное, а именно, что его попытки обнаружить следы храма не дали никаких результатов. Правда, он искал их почти у самого моря, т. е., повидимому, значительно западнее того места, где эти остатки могли бы быть, если только они сохранились вообще.

сомнений в том, что ему действительно удалось обнаружить в указанном им месте остатки римского укрепления, которое соответствует описанному Аррианом и ориентация которого совпадает вполне со страбоновской.

Место это должно лежать на расстоянии около километра от последних строений современного Поти, к востоку от города, у поворота реки, против и сейчас существующего острова. Местность вокруг с тех пор заросла мелким кустарником, была заболочена и заливаема водой после обильно выпадающих дождей.

Этим ограничиваются наши сведения о древнем Фасисе.

К северу от Фасиса, на расстоянии 90 стадиев (18 км) Арриан указывает судоходную р. Хариент (*Χαριεης*—прекрасную), а за ней на таком же расстоянии—р. Хобос (*Χῶβος*), в устье которой он зашел и задержался по каким-то делам.

На современных картах в соответствующих расстояниях к северу от Риона обозначены две могущие быть принятыми в расчет реки — Хопи и Ингур.

Название первой из них, фонетически весьма близкое к Хобосу Арриана, заставило почти всех, изучавших его перипл, безоговорочно идентифицировать Хопи и Хобос вопреки тому, что расстояние первой от Риона не превышает 17—18 км. И в этом случае устье р. Хариента приходилось искать где-то посередине между Рионом и Хопи, где по современным картам вовсе нет никакой реки. Трудно вообразить, что за промежуток времени менее чем в две тысячи лет местность могла настолько измениться, что исчезла бесследно довольно значительная (судоходная по Арриану) река.

Как бы ни был велик соблазн принять те или другие доводы в защиту отождествления Хобоса и Хопи, постараемся, однако, сначала разобраться в вопросе, руководствуясь данными Аррианом расстояниями для отдельных участков пути между Фасисом и Севастополем, с привлечением всех его сообщений об их топографии, и, наоборот, оставляя пока в стороне возможности совпадений древних и новых названий.

Первое, на что наталкиваешься, это—несоответствие данных у Арриана суммы расстояний между Поти и Сухуми (равно как и между Архаве и Поти) с длиной этих участков берега по современным картам. Правда, точность и современных, а тем более древних измерений весьма относительна, но все же даже при прикидывании по масштабу бросается в глаза, что расстояние между Архаве и Поти несколько больше указанного Аррианом, в то время как расстояние между Поти и Сухуми (не более 130—135 км)—несколько менее тех 810 стадий, которые насчитывает Арриан¹.

Между тем, на пути от Поти до Сухуми плывущий вдоль берега встретит 31 устье рек и ручьев, из которых ему придется избрать 6 для отождествления с реками, указанными в перипле. Причем сделать это необходимо так, чтобы, не добиваясь, быть может, всегда абсолютного совпадения современных и древних промеров, все же постараться сохранить с наивозможной точностью отношения указанных Аррианом расстояний между собой. Ибо если Арриан мог легко ошибиться в абсолютных числах, несколько их преувеличив, то уже гораздо менее вероятно, чтобы он мог напутать в пропорциях этих чисел.

¹ Это обстоятельство могло бы быть сочтено за довод в пользу гипотезы, перемещающей древнее русло Риона к югу, если забыть о том, что при Страбоне устье реки занимало то же самое положение, что и теперь.

Действуя так, мы постараемся привлечь на помощь и некоторые другие соображения, прямые или косвенные, почерпнутые из того же аррианова перипла и из некоторых посторонних источников.

Покинув Фасис, Арриан миновал судоходную реку Хариент и зашел в устье Хобоса, до которого, как он пишет в главе 16 перипла (*Л а т ы ш е в—Scythica et Caucasica*, I, стр. 222—223), путь его лежал на север: «Апсар же показался мне крайним пределом длины Понта, так как отсюда мы держали путь уже на север, вплоть до реки Хобоса и за Хобосом до Сингама (*Συγγαμης*). От Сингама мы повернули на левую сторону Понта до реки Гиппа (*Ἰππος*)».

Достаточно беглого взгляда на карту для того, чтобы представить себе, где следует искать реку Сингам. Она не может быть севернее Окума или Гализги у Очемчири, ибо далее берег весьма резко поворачивает к западу. Между Поти и Очемчири могут быть названы лишь две реки, доступные для мелких судов. Из них на первом месте следует поставить Ингур — одну из крупнейших рек побережья, а на втором — Хопи, незначительную речку, судоходную, вероятно, лишь на небольшом протяжении ее нижнего течения, проходящего через северную часть Колхидской низменности.

Только эти две реки и могут претендовать на отождествление с Хариентом и Хобосом Арриана. И что Хобос — именно Ингур, а не Хопи, об этом, кроме вышеприведенных слов Арриана, свидетельствует, кажется, одно место кн. VI «*Naturalis Historia*» Плиния, упоминающего «*Flumen Chobum e Caucaso per Suanos fluens*» (VI, 4), т. е. реку Хобус, текущую с Кавказа через землю сванов, которых все древние авторы помещают на территории, совпадающей с теперешней Сванетией.

Плиний лучше многих других информирован о географии и этнографии внутреннего Кавказа, и если, обратив внимание на это свидетельство, мы возьмем в руки карту, то увидим, что Ингур действительно берет начало в горах Сванетии, в то время как истоки Хопи теряются в предгорьях Мегрелии, неподалеку от низменной долины Риона.

После всего сказанного, несмотря на соблазн созвучия Хобос — Хопи, нам необходимо отказаться от этого общепринятого отождествления¹ и признать за Хопи древнее название Хариент, с Хобосом же отождествить Ингур, тем более, что по приблизительному расчету это как раз должно соответствовать показанным у Арриана расстояниям.

В цитированном несколько раньше месте Арриан указывает, что поворот берега к западу продолжается до р. Гиппа. Глядя на карту побережья, мы видим, что отклонение берега к западу имеет место до устья р. Кодора, обогнув которое, берег до самого Сухуми продолжается в северном направлении, с едва заметным отклонением на запад.

Сумма расстояний от Хобоса до Гиппа, указанных в перипле, равна 480 стадиям, или 96 км. Это — несколько больше того, что есть в действительности, так как длина берега между Ингуром и Кодором не превышает 85—90 км.

Но Арриан в этом случае как будто и сам не претендует на большую точность. Он говорит: «После Хобоса мы миновали судоходную реку Сингам: она отстоит от Хобоса не более чем на 210 стадий» (*Л а т ы ш е в—Scythica et Caucasica*, стр. 221).

¹ Следует оговориться, что отождествление Хобоса с Хопи отверг еще в 1925 г. исследователь местного края Иващенко в своей работе, посвященной древней топографии Абхазии и опубликованной в вып. IV «Трудов Абхазского научного общества».

Выгодно было бы представить себе, что приближение Арриана допускает уменьшение этой цифры стадиев на 25—30.

К тому же есть еще один очень серьезный довод, убеждающий нас в необходимости отождествления Кодора с Гиппом. В главе 16 Арриан далее пишет: «На пути от Гиппа вплоть до Астелефоса и Диоскуриады (т. е. Себастополиса; Арриан употребляет оба названия) нам были видны Кавказские горы, по высоте более всего подходящие к кельтическим Альпам; нам показывали одну вершину Кавказа—имя вершины Стробил (*Στροβίλος*)» (Л а т ы ш е в—Scythica et Caucasica, стр. 223).

Дюбуа де Монпере в описании сухумского побережья замечает, что с мыса, омываемого устьем Кодора, открывается прекрасный вид на снеговую цепь Большого Кавказа. Отчетливой и выше других поднимается при взгляде с этого места вершина Джумантау (Эльбрус?), которую Дюбуа полагает идентичной Стробилу аррианова перипла («Voyage», I, p. 305—306). И хотя он не сообщает более ничего о том, насколько видны эти горы к югу от Кодора, но взгляда на карту достаточно для того, чтобы представить себе, как на побережье от Ингура до Кодора поднимающиеся на некотором расстоянии от моря возвышенности, заслоняют собой от зрителя, плывущего вблизи от берега, снеговой хребет. Об этом же факте для сведения водителей судов говорится в «Лоции Черного моря» (т. I, стр. 186).

Между Хобосом и Гиппом Арриан отмечает две реки—Сингам (*Σιγγάμη*) и Тарсур (*Ταρσοβράς*). Первая отстоит от Хобоса на расстоянии 210 стадий, вторая от него— в 330 стадиях. Как мы уже заметили раньше, в действительности длина береговой полосы между Ингуром и Кодором несколько меньше, чем хочет того Арриан. Но, имея в виду отношение этих расстояний между собою, мы все же более или менее правильно можем указать эти две реки среди 17 рек, впадающих в море на этом береговом участке.

Арриан отмечает р. Сингам, как судоходную. Безыменный автор прибавляет к этому, что в его время она называлась также Зиганием, но среди теперь существующих названий нет и отзвука ни того, ни другого имени. Соответственно указанным расстояниям это могло бы быть или устье Гализги, или общее устье Окума и Эрисцкари. Последнее мне представляется более вероятным. Во всяком случае нетрудно допустить, что общее русло Окума и Эрисцкари более многоводно, чем устье Гализги.

В таком случае р. Тарсур пришлось бы отождествить с современной Моквой. Безыменный автор сообщает, что в его время р. Тарсур называлась Мохя. Имеем ли мы в данном случае совершенно случайное совпадение или удержание древнего имени? Судя по тому, что все прочие древние названия рек на этом участке Черноморского побережья не удержались, трудно придавать этому созвучию решающее значение.

От Гиппа до Диоскуриады Арриан насчитывает 150 стадиев, отмечая по пути в 30 стадиях от Гиппа р. Астелеф (*Ἀστέλεφος*). Безыменный же автор считает расстояние от Гиппа до Диоскуриады равным 165 стадиям, причем Астелеф он помещает также в 30 стадиях от Гиппа, с указанием, что в его устье могут войти суда.

Таким образом, устье р. Астелеф следует искать километрах в шести от устья Кодора. «Лоция Черного моря» (т. I, стр. 185) сообщает, что река Кодор «вливается (в море) тремя рукавами, недоступными даже для гребных судов». Нет ничего удивительного поэтому в том, что древние морепла-

ватели принуждены были искать стоянку где-нибудь поблизости, в доступном речном устье. На карте на соответствующем расстоянии к северу показана безыменная речка, может быть, и носившая в древности имя Астелеф.

Местонахождение Себастополиса, или Диоскуриады, как этот город назывался до времен Августа, когда он был разрушен при неизвестных нам обстоятельствах, повидимому, в результате варварского набега, и вскоре отстроен на прежнем месте, но уже под новым названием, — настолько же не определено, по данным новых исследований, как и положение Фасиса.

Собственно говоря, существует два мнения. Соответственно одному из них, Диоскуриада и Себастополис стояли на месте современного Сухуми, в почве которого и следует искать их остатки.

Другая версия не указывает никакой преемственной связи древних поселений и современного города, а ищет их развалины в другом месте — значительно южнее Сухуми, за устьем Кодора, у мыса Искурии.

Это последнее предположение было выставлено Дюбуа де Монпере: «Может показаться странным, что милетяне, основавшие Диоскуриаду, расположили ее не при Кодоре, самой большой реке Абхазии, но у маленькой речки, истоки которой не углубляются далеко в горы. Обитатели страны дают ей разноречиво имена Искурия, Цхузамели, Мармар. Но именно там заметны значительные руины, укрытые громадным лесом, среди которого разбросано несколько абхазских селений» («Voyage», v. I, p. 316—317).

В полном согласии с мнением Дюбуа де Монпере находится точка зрения К. Мюллера (см. FHC, v. V, p. 186, синоптическая таблица).

Наоборот, Брун, опираясь на предположения Неймана и Тетбу де Мариньи и привлекая некоторые археологические данные, указывает на сухумскую бухту, как на место древнего поселения.

Наличие древнего поселения на месте Сухуми доказано раскопками, произведенными В. И. Сизовым в 1886 г. (см. «Материалы по археологии Кавказа», т. II). Античный культурный слой обнаружен был им на глубине несколько больше аршина от поверхности, под слоем позднейшего намыва, состоящего из мелкого щебня. Слой, содержащий чернолаковую и краснолаковую керамику, представляет собой сероватую глину, причём современный уровень грунтовых вод выше древнего поселения. Это обстоятельство помешало Сизову довести раскопки до материкового грунта. Вода заливала траншею уже на глубине около двух аршин. Обломки керамики и другие предметы, относящиеся к эллинистической эпохе, извлекались им из воды.

По наблюдениям Сизова, культурный слой более всего насыщен остатками в прибрежной части северо-западного угла современного Сухуми; впрочем в южной части города, при устье р. Беслаты, также имеются некоторые следы древнего поселения, относящегося, повидимому, лишь к позднеперсидской и византийской эпохам. Судя по наблюдениям Сизова и известного знатока местного края Чернявского (см. «Труды подготовительного комитета к V Археологическому съезду в Тбилиси», стр. 14), береговая сторона древнего поселения разрушена на значительном протяжении под влиянием опускания почвы (как, между прочим, предполагает и А. А. Миллер, см. его «Разведки на Черноморском побережье Кавказа» в ИАК, вып. 33, стр. 72) или просто под действием прибоя. Во всяком случае, постоянно морские волны, в которых погребена уже

часть древнего города, размывают культурный слой, выбрасывая на берег строительные остатки, керамику и монеты. На территории города, на поверхности и под землей, а также и в воде у самого берега сохранились фундаменты и кладки древних строений, которые, может быть, в некоторой части принадлежат римскому или еще более раннему времени. Среди предметов, добытых раскопками Сизова, нет ни одного древнее второй половины IV в. до н. э. Известные мне случайные находки также не дают материала, относящегося к классической или тем более архаической эпохе. Стало быть, обнаруженное на месте нынешнего Сухуми древнее поселение не может быть принято за Диоскуриаду эпохи ионийской колонизации. Нет никаких препятствий к тому, чтобы обследованное Сизовым поселение эллинистическо-римского времени признать за Диоскуриаду и Себастополис Страбона, Плиния и Арриана. Это вполне подтверждается и расчетом расстояний по Арриану и всей позднейшей традицией, которая (начиная с Прокопия и итальянца Ламберти) помещала на этом месте город и порт Севастополь.

Что касается местонахождения архаической милетской колонии, то ведь нет никаких доказательств того, что на протяжении всей своей многовековой истории город существовал на одном и том же месте. Наоборот, некоторые соображения заставляют думать, что это было совсем не так.

Эд. Мейер («Geschichte des Altertums», II, S. 440, 449) замечает о колониях и торговых факториях Эгейского моря и Адриатики, появившихся в архаическую эпоху, что необходимым естественным условием их возникновения была не бухта или какая-либо искусственная гавань, как в более позднее время, но совершенно открытый, низменный песчаный берег, на который греческие мореходы вытаскивали на время стоянки свои легкие и узкие суда. Следовательно, условия существования позднейшего греко-римского поселения могли существенно отличаться от условий существования милетской колонии. Разумеется, только тщательная проверка этих мест может выяснить окончательно спорный, но очень важный вопрос о местонахождении древнейшей Диоскуриады. Заболоченный лес малопривлекателен для туриста, отсутствие же каких-либо остатков на самом берегу моря еще не решает дело окончательно в отрицательном смысле.

Фукидид замечает, что все древние города строились большей частью в известном отдалении от моря, из боязни грабительских набегов соседей, занимавшихся морским разбоем (Thuc., I, 7).

Мыс Искурия не только по своему наименованию, повторяющему название древнего города, но и по естественным условиям, повидимому, не исключает нахождения архаической Диоскуриады именно близ него: и по описанию Дюбуа де Монпере и по «Люции Черного моря» от устья Кодора и до мыса Искурии берег низменный, чистый грунт его глинисто-песчаный, море у берега довольно глубоко.

В 1925 г. в Сухуми, близ того же места, где в 1886 г. производил раскопки Сизов, вновь были произведены пробные раскопки А. С. Башкировым, давшие еще меньше, чем раскопки Сизова. Наиболее древним слоем в этих раскопках оказался слой, содержащий остатки римского времени. Тот же глинисто-илистый слой, из которого Сизов извлекал фрагменты чернолаковой керамики, здесь был совершенно стерлен. Здесь были произведены раскопки несколько дальше от берега моря, чем Сизов. Этим и следует объяснить отсутствие в его раскопках эллинистиче-

ской керамики, так как более древнее поселение, очевидно, занимало меньшую территорию и было расположено ближе к морю.

Изучение развалин турецкой крепости, стоящей на берегу сухумской бухты, не дало ничего такого, что могло бы навести на следы сооружений эллинистического времени. Это исследование не дало никаких убедительных признаков того, что турецкая крепость стоит на фундаменте римского сторожевого укрепления, о котором упоминается в арриановом перипле. Но что это именно так, к счастью, может быть доказано с помощью другой очень важной находки, сделанной в сухумской крепости еще в 80-х годах.

Речь идет о единственном пока эпиграфическом документе, найденном на побережье и относящемся к римскому времени. По словам Иващенко (цит. статья в «Трудах Абхазского научного общества»), камень с надписью, о котором идет речь, хранился в Сухуми у Чернявского и исчез после его смерти. Но мы располагаем двумя публикациями (первая—в сопровождении транскрипции и комментария—в специальной заметке, опубликованной в «Записках Од. общества истории и древностей», заседание 365-е, прилож. 1-е; вторая (лучшая)—в статье, озаглавленной «Новые латинские надписи с юга России», в ИАК, вып. 33, табл. I и примечание 4 на стр. 12). По сообщению В. Пирогова, камень был извлечен из сухумской крепости. Он представлял собою плиту из известняка, фрагментированную с трех сторон (сверху и с боков), неповрежденную только снизу. На камне уцелели только три обрывающиеся с обеих сторон строки. Надпись в транскрипции и с вероятными дополнениями читается следующим образом:

...N] ad [rianus] .../per Fl(avium) A[rrianum] .../... leg(atum) [pro pr(aetore)]...

Надпись, судя по ее формуле, строительная и составлена скорее всего от имени императора Адриана или (как полагает Ростовцев), может быть, также и Антонина Пия. Она, по всей вероятности, гласила, что император Адриан воздвиг такое-то сооружение через посредство легата. Ростовцев в комментарии к изданной им надписи замечает: «Сопоставление двух имен—Адриана и Флавия А..., всякому, знакомому с историей нашего Юга (между прочим, и Чернявскому), навязывает мысль, что перед нами известный легат императора Адриана и известный писатель Флавий Арриан. Предположение это находит себе ряд подтверждений. Прежде всего имя. Имя Арриана упоминается в официальных документах трижды: в известной надписи 137 г. из Себастополя Капподокийского (S c h u l t z e—Geschichte d. lat. Eigennamens, I, 487 ff.), в афинской надписи (IG III, 1116) и в рескрипте Адриана (D i g., 49, 14, 2, 1). Везде его имя звучит F l. A r r i a n u s без ргаепотен и с сокращением родового имени» («Записки Од. общества истории и древностей», т. XVII, заседание 365-е, стр. 4).

В дополнение к этому следует заметить, что усиление охраны восточного берега Черного моря при Адриане (см. ИАК, вып. 33, стр. 12) должно было, безусловно, форсировать строительство крепостных сооружений везде, где были расквартированы римские гарнизоны. Мы знаем из собственных слов Арриана, что им была перестроена крепость в Фасисе (см. выше). Весьма вероятно, что им или по его приказанию производились строительные работы также и в Себастополисе раньше или позже составления перипла, в котором он об этих работах не упоминает.

Если все приведенные соображения достаточно убедительны, то перед нами очень любопытный документ, подтверждающий, с одной стороны, данные аррианова перипла, с другой стороны—позволяющий утверждать со всей несомненностью, что упоминаемая Аррианом римская крепость Себастополис, или Диоскуриада, стояла на месте турецкой крепости Сухума, и камни, из которых она была сооружена, пошли на постройку позднейших стен.

Этим документом заключается круг сведений, которыми мы пока располагаем в отношении местонахождения Себастополиса и его предшественницы Диоскуриады.

Имеются все основания для надежды на то, что ближайшие годы принесут с собой немало археологических открытий в области истории древней Колхиды. Огромные работы, предпринятые для осушения Колхидской низменности, уже отвоевали у болот значительные пространства земли, прежде совершенно недоступной для лопаты археолога.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБЕЛЁВА